

Что касается историографической и библиографической части книги, то надо прежде всего отметить решительное преобладание библиографии над историографией; строго говоря, почти вся эта часть представляет собой более или менее широко аннотированную библиографию, переходящую в отдельных местах в экскурсы типа подстрочных примечаний. Вообще же исследовательских экскурсов библиографическая часть книги содержит мало. Собственно библиография достаточно полна и хорошо размещена, так что может служить неплохим справочным пособием. Но и здесь следует указать на значительные пропуски; например, в разделе греческого права отсутствуют такие основные книги, как работа *Hirzel, Themis, Dike und Verwandtes*; *Ἄγραφο νόμος*; по истории греческого алфавита — основная работа: *Kirschhoff, Geschichte des griechischen Alphabets*; по истории Спарты не названа старая, но важная трехтомная работа *G. Manso*.

Характерной чертой рассматриваемого раздела книги является полное отсутствие упоминаний о трудах русских ученых; нам нет необходимости указывать на тот громадный вклад, который внесла русская наука в науку об античности, в частности в изучение древней Греции. Необходимо только отметить, что прогрессивная зарубежная историческая наука давно уже изучает труды русских ученых, так что и в этом отношении, как и в других, книга Джиаелли является ярким показателем упадка буржуазной историографии, возвратом к наиболее антинаучным и реакционным ее построениям.

А. К. Бергер

För. CORNELIUS, Geschichte des alten Orients. Griechische Geschichte. Römische Geschichte, Stuttgart — Köln, 1950, 129+115+151 стр.

Рецензируемые книги западногерманского историка Корнелиуса вышли в серии для самообразования «Aus Kultur und Geschichte», начатой в конце 30-х годов Шеффером. Основная часть этих очерков, посвященная истории Германии от первобытных времен вплоть до «третьего рейха», была написана в явно фашистском духе и поэтому восторженно встречена гитлеровской печатью. В числе авторов серии находился известный апологет германского империализма П. Рорбах, а также другие видные гитлеровские сановники. Для политических установок этой серии показателен также характер другого предпринятого Шеффером много томного издания — «Преобразования права и хозяйства» — своего рода «энциклопедии» гитлеровского государственного права, в которую входили такие, например, «труды», как «Основы национал-социалистского учения о праве», «Учение о наследственности и расах» и т. п.

Кандидатура Корнелиуса в качестве автора очерков по древней истории также не случайна. Еще в 1925 г. Корнелиус выпустил объемистую книгу под названием «Мировая история и ее ритм», целиком построенную на антинаучных «принципах» циклического развития общества, проникнутую маховым идеализмом и открытой поповщиной. Корнелиус утверждал в этой книге, что «целью исторического развития является не лучшее будущее, а ты сам, каким хочешь иметь тебя бог»¹.

Кликушество Корнелиуса отражало в те годы истерическую растерянность немецкой мелкобуржуазной интеллигенции перед лицом поражения Германии в первой мировой войне. Уже эта книга Корнелиуса была пропитана звериной ненавистью к народным массам и страхом перед ними. Не умея и не желая понять смысл происходящего на его глазах крушения капитализма, Корнелиус утверждал, что «взбесившаяся масса, в опьянении властью (ее видела уже Парижская Коммуна) поджигающая двор-

¹ «Die Weltgeschichte und ihr Rhythmus», München, 1925, стр. 383.

цы, — есть символ Запада в его крайних чертах» (там же, стр. 373). Книга полна клеветы на коммунистическое движение. В поисках выхода из революционного кризиса Корнелиус взывал то к новому племени, «которому достанется господство над народами, ...ставшими только раздробленными массами», то к политическим организациям, сплоченным вокруг некоего диктатора, который насильем скрепит распадающееся здание «западной» культуры (там же). Уже в этой книге Корнелиуса нашло место столь распространенное впоследствии в идеологии фашизма деление народов на творческие и подражательные (стр. 2), воспринятое официальной немецкой, а затем и американской историографией. К числу первых Корнелиус, разумеется, относил народы индогерманской расы, причем приписывал им имманентные понятия права и нравственности даже в III тысячелетии до нашей эры (стр. 45). За прошедшие 25 лет взгляды Корнелиуса, насколько можно судить по рецензируемым книгам 1950 г., не претерпели никаких существенных изменений.

Мрачные годы фашизма, во время которых было начато издание упомянутой серии Шеффера, ознаменовались полным вырождением немецкой буржуазной историографии. Работы Берве, Тегера и других «историков» расистского толка представляли собой явный регресс по сравнению даже с немецкой буржуазной историографией конца XIX — начала XX в. Процесс фашизации исторической науки и в настоящее время продолжается в Западной Германии, хотя и носит иногда несколько замаскированные формы. Рецензируемые книги Корнелиуса, имеющие не исследовательский, а популярный характер, преследуют ясно выраженную цель — распространить в широких массах, под маской объективного изложения фактов, реакционные концепции гитлеровской историографии и поповщины. Мы не встретим в них прямой апологии фашизма, открытого восхваления американского империализма или явных антисоветских выпадов. Но тем не менее весь метод подбора фактов и истолкования событий обличает антинаучные идеалистические и расистские взгляды Корнелиуса на общество.

По мнению Корнелиуса, «современный западный мир возник из трех составных частей: германское начало (*das Germanentum*) дало ему развитие в еще не осознанном направлении, а также язык, обычай и правовые формы; наследие классической древности воспитало разум и художественное чувство; христианство установило религиозно-нравственные цели» («Ист. др. Востока», стр. 7). Поскольку история древнего Востока есть, с точки зрения Корнелиуса, «предистория христианства», постольку она «есть часть нашей собственной духовной истории» (там же).

По мнению Корнелиуса, заслугой греков было то, что они «поднялись от мифологической путаницы до веры в единого (? — В. Я.) бога, выработали понятие добродетели независимо от религиозных предпосылок и впервые поставили перед собой в качестве цели мышления научную истину» («Греч. ист.», стр. 7). Эти заслуги греков, сообщает Корнелиус, тем более значительны, что «объединение греческого и христианского духа... стоит еще перед нами как большая духовная задача будущего» (там же, стр. 104). Значение древнего Рима, по мнению Корнелиуса, состоит в том, что, во-первых, в его культуре содержатся начала европейской цивилизации, а во-вторых, римляне не только завоевывали мир, но постепенно устанавливали мирный порядок, просуществовавший в течение многих веков. К тому же внутри римского мирового государства возникли силы, призванные духовно преодолеть господство военного деспотизма, а именно идеи христианства («Римск. ист.», стр. 7). Поэтому главной целью изучения древности махровый идеалист Корнелиус считает не познание законов общественного развития, а восприятие «идей гуманности и христианства».

В соответствии с этими идеалистическими, поповскими предпосылками Корнелиус строит периодизацию древней истории следующим образом. Историю древнего Востока Корнелиус делит прежде всего на «бесписьменную предисторию» (IV тысячелетие до н. э.) и всю остальную эпоху, которую он, в свою очередь, расчленяет по «ведущим народам». Так, в III тысячелетии руководящая роль отводится представителям стран «речной культуры» — шумерийцам и египтянам, причем и здесь Корнелиус во главу угла ставит избречение и распространение письменности, которая и знаменует наступление новой, «исторической» эпохи, как в Шумере, так и в Египте («Ист. др. Вост.»).

стр. 21,38). Около 1700 г. на просторах Востока появляются, по Корнелиусу, индо-германцы, которые и овладевают безусловным первенством на многие столетия. Благодаря врожденным духовным качествам германцев, им удается пробудить к сознательной исторической деятельности финикийян, иудеев, ассирийцев и иранцев, которые начиная с 1200 г. поочередно становятся народами, «ведущими» в политическом и духовном отношении, пока персидская монархия не поглотила весь древний Восток, чтобы в свою очередь уступить место греческой культуре («Ист. др. Вост.», стр. 7 сл.).

Как видно, Корнелиуса несколько не заботит вопрос о том, чем отличаются друг от друга намеченные им периоды с точки зрения их внутреннего содержания, общественных отношений, государственных форм. Вместо этого он обновляет на свой лад обветшалую идеалистическую схему, согласно которой народы делятся на «ведущие» и «ведомые», причем удел последних — прозябать столетия под властью «ведущих». В схеме Корнелиуса не нашлось места ни для истории древнего Китая, ни для народов Средней Азии; да и древней Индии посвящены лишь полторы странички самого общего содержания, — весьма характерный факт для ученых прислужников империализма, третирующих народы Среднего и Дальнего Востока как «неполноценные» расы, не способные играть самостоятельную роль в истории. Вопреки всем историческим фактам Корнелиус приписывает расцвет многих древневосточных обществ германцам, которые в то время не имели да и не могли иметь никакой связи с народами Востока и к тому же стояли на значительно более низком уровне развития, чем якобы «оплодотворенные» ими древневосточные народы.

Греческую историю Корнелиус также делит на две большие эпохи — ранне-историческую и историческую, — границей между которыми, по его мнению, является «введение буквенного письма», совпадающее «с большими переменами в духовной и социальной структуре народа» («Греч. ист.», стр. 8). Это событие Корнелиус относит к концу IX в. до н. э., что само по себе достаточно спорно, но дело, конечно, не в дате, а в принципе: «ранне-историческая» эпоха Корнелиуса — это та же излюбленная в буржуазной историографии «доисторическая» эпоха, характеризующаяся на уровне развития производства, а фактически случайным явлением заимствования алфавита. Нечего и говорить, что схема Корнелиуса не выдерживает ни малейшей критики уже хотя бы из-за громадного археологического материала, благодаря наличию которого мы знаем историю Микенского — по Корнелиусу, ранне-исторического — периода значительно лучше, чем историю, например, VIII, уже «исторического» века. К этому можно еще добавить, что началом истории Греции Корнелиус считает «вторжение индогерманских завоевателей, из языка которых вырос греческий язык» (там же, стр. 8).

Столь же беспомощно Корнелиус делит «историческую» эпоху на четыре периода: а) господство знати (800—600 гг.), б) господство закона (600—431 гг.), в) разложение (431—336 гг.), г) эллинистические монархии (336—167 гг.). После 167 г. история Греции теряет самостоятельный характер и становится частью истории Рима.

Если можно еще кое-как считаться с определением первого периода, хотя для VIII—VII вв. более характерно не столько господство родовой знати, сколько подрыв ее господства ростом новых социальных сил, то уж совершенно внеисторическим является определение второго и третьего периодов. Вообще сам по себе факт «господства закона» никак не может являться определяющим признаком периода. К тому же разве после 431 г. законность исчезла или перестала иметь юридическую силу? И о каком, собственно, законе идет речь? Если Корнелиус подразумевает писаное законодательство, то оно не существовало в VI—V вв. в Аркадии, Фессалии и даже Спарте, если не считать Ликурговой ретры, заходящей, несомненно, глубоко в первый период. Если же речь идет об обычном праве, то оно существовало и в период аристократического господства и продолжало занимать существенное место в правосознании афинской демократии времени ее расцвета. Здесь достаточно указать хотя бы на известную речь Перикла у Фукидида, «Антигону» Софокла и всю постановку проблемы в софистике. Третий период назван у Корнелиуса «разложением». Чего? Законов? Общества? Оказывается, что главным признаком периода «господства закона» автор считает нрав-

венную категорию — развитие сознания свободы, а период «разложения» характеризуется не кризисом рабовладельческого способа производства, а тем весьма сомнительным утверждением, что «философия преодолевает многобожие и узость кантонального мышления, подготовляя мировую религию и мировое гражданство» (стр. 9). Последние слова, подчеркнутые Корнелиусом, должны, видимо, засвидетельствовать его преданность американским хозяевам Западной Германии и одновременно вдолбить в головы немцев, что отравленная космополитизмом «духовная пища» из-за океана является ценнейшим наследием древнегреческой культуры. Нечего и говорить, что специфику периода эллинистических монархий Корнелиус также видит не в развитии рабовладельческого способа производства, а в поверхностных культурно-исторических факторах.

Столь же произвольна и периодизация римской истории. Корнелиус отвергает принятое деление на царский, республиканский и императорский периоды, так как основу его составляют-де «чисто внешние признаки государственного устройства» («Римск. ист.», стр. 7). Между тем, это деление при всех его недостатках позволяет при желании определить те социальные процессы, которые привели к замене «царской власти» аристократической республикой, республики — военной диктатурой императоров. Периодизация Корнелиуса тенденциозно подогнана под основной политический тезис автора, видящего историческую заслугу римлян в создании мирового государства. Корнелиус различает в истории Рима три эпохи: а) до захвата мирового господства (до 167 г. до н. э.); б) мировое господство (167 г. до н. э. — 324 г. н. э.); в) византийский период (324 г. — 1453 г.). Главная цель включения тысячелетней истории Византии в «Римскую историю» состоит, видимо, в утверждении, что, даже сократившись «до размеров греческого национального государства», Византия смогла «победоносно утвердиться в борьбе с арабами и славянами» и «наделить определяющими чертами цивилизацию Восточной Европы» (стр. 8).

В духе откровенного идеализма охарактеризованы и первые две эпохи. Определяющим признаком первой из них Корнелиус считает создание римлянами «правовых форм и сознания, которые сделали их способными к господству». Главное содержание второй эпохи Корнелиус видит в том, что римское «государство и его ведущие императоры приносят мир для покоренного человечества» (там же, стр. 8). Если добавить к этому явно расистскую трактовку вопроса о миграциях племен и «национальном характере», а также субъективизм в отношении к историческим личностям, то мы получим относительно полное представление об уровне его работ.

По книгам Корнелиуса невозможно понять, чем по существу отличался древний мир от капитализма, какую роль в хозяйственной жизни Египта, Вавилона, Греции и Рима играли рабы. Стыдливо избегая общей оценки социального строя древних государств, Корнелиус протаскивает в свои книги модернистские установки. Так, например, мы узнаем о существовании феодализма в Египте Древнего царства («Ист. др. Вост.», стр. 45), о наличии «оброчных крестьян» в Греции на рубеже III и II тысячелетий («Греч. ист.», стр. 16), а в Риме после принятия законов XII таблиц и вовсе утвердился «капитализм» («Римск. ист.», стр. 22).

Классовая борьба представляется Корнелиусу как досадный порок истории. Самого термина он, разумеется, не употребляет. Он говорит о «сословных битвах», о «социальных беспорядках». «Беспорядок» — вот излюбленное слово Корнелиуса для обозначения негодных ему событий. Само собой разумеется, что он целиком одобряет акты предательства, в которых крупные греческие рабовладельцы искали спасения от городской бедноты и рабов. «Раздробленный греческий мир... нуждался в сильной, способной навести порядок государственной власти, которая могла бы преодолеть раздоры между самоистребляющими партиями», — пишет Корнелиус («Греч. ист.», стр. 101); «...борьба неимущих против общественного порядка повергла в разброд государство» — заявляет он в другом месте и отсюда делает вывод, который вполне по душе современным американским гаулейтерам: «Таким образом, государственные границы потеряли свой смысл и были только искусственными преградами, и потребность в покое становилась больше, чем стремление к сво-

боде» («Римск. ист.», стр. 32). Так Корнелиус пытается услужить американск. претендентам на мировое господство.

Другую характерную черту всех книг Корнелиуса составляет фетишизация юридических норм и преклоение перед государством, как перед высшей, идеальной и надклассовой силой. Само понятие «государство» (Staat) лишено у него каких-либо признаков исторической конкретности. Он говорит о государстве в применении к раннему родовому строю, к Микенской эпохе, к Риму. Государственная мысль в Риме возникла якобы уже в царский период (там же, стр. 22).

Анализ социально-экономических факторов заменяют у Корнелиуса расистские бредни. Например, процесс происхождения греческого народа рисуется Корнелиусом в следующих чертах. Вторгшиеся в III—II тысячелетиях на Балканы северные племена принесли с собой язык индоевропейской семьи. Из смешения завоевателей с стлавшимися тщедушным телосложением завоеванными племенами возникли греки — «преимущественно темнолицые, но с нордическим разрезом лица, особенно высоким лбом и очень острым носом» («Греч. ист.», стр. 26). Разумеется, именно «индогерманцы принесли с собою и правовые формы для государственной организации» (там же, стр. 16; это в III тысячелетии до н. э!), только «благодаря арийскому руководству приобрели политическую силу» туземные переднеазиатские племена (стр. 13) и т. д. и т. п. «Нордический» тип в качестве носителя культуры и цивилизации — таков тот лежалый товар гитлеровского расизма, который снова пускает в ход Корнелиус.

Чисто внешне и совершенно поверхностно изображает Корнелиус и действия выдающихся исторических личностей, излагая их в отрыве от социально-экономической и политической обстановки. Так, например, причину успехов, достигнутых в укреплении хеттского государства при Муршиле II, Корнелиус видит в том, что царь «был человеком, убежденно верившим в богов, которые путем предзнаменований предупреждали его в нужное время, но он также чувствовал себя обязанным давать им отчет в своих поступках» («Ист. др. Вост.», стр. 69). Целый большой период истории древнего Востока Корнелиус озаглавливает «От Моисея до Александра», совершенно явно выдвигая на первый план личности, а не события социального порядка. Ожесточенный характер борьбы Карфагена с Римом объясняется личными качествами Ганнибала, так как его «с яростным бешенством побуждало к войне... мстительное чувство семита, который не хотел перенести поражение и оскорбительное притеснение своей родины» («Римск. ист.», стр. 36). Поворот в ходе событий в пользу Рима решили не длительные, постоянно действующие факторы, а личность Сципиона Африканского, который «в бедственную для отчизны годину часто по ночам поднимался в одиночестве в храм Юпитера Капитолийского для молитвы» (там же, стр. 38). Вся история гражданских войн в Риме сводится к столкновению злых или добрых побуждений Гракхов, Мария и Суллы, Цезаря и Помпея и т. д. Единственный вывод Корнелиуса всегда сводится к прославлению мудрости правителя, стоящего «над классами» и «способного» положить предел разрушительным тенденциям истории.

Таким образом, подменяя научный анализ движущих сил исторического развития откровенным субъективизмом, культом личности и расистскими измышлениями, Корнелиус стремится забить головы читателей антинаучным хламом и «скрыть от них закономерности общественного развития.

В. Н. Ярво